

ЭЛЛИС (Л. Л. КОБЫЛИНСКИЙ)

Учитель веры* (Посвящается Г. А. Рачинскому)

О род людской, тебе довольно quia.
Когда б ты мог все видеть, все узнать
То для чего бы зачала Мария?

Dante, Purg. III. 37–39

1

Среди великих теней, воистину призванных вести и спасти нас «живущих», наряду с именами Гете и Вагнера, великих учителей мудрости и действия, да восстанет из мертвых имя Данте, великого учителя веры! Так уходя в глубь прошлого, мы тем самым и возвысимся; возвратившись туда, откуда ниспали и неудержимо падаем, тем более станем смиренны; вспомнив свое родословие, научимся уважать предков. Таков истинный аристократизм!

---

* Работа над исследованием «Божественная Комедия Данте, как христианская мистерия», автор позволяет себе поделиться с читателями «Трудов и Дней» некоторыми отдельными, разбросанными, однако существенными мыслями своими. Эти мысли, формулы, замечания он просит рассматривать не как изложение вкратце или предварительное сообщение своих выводов, а просто как ряд мыслей, пришедших ему во время работы и сопровождавших самый процесс работы. Веря в своевременность и нужность отделов журнала, посвященных Гете и Вагнеру, он надеется, что, может быть, эта скромная попытка заговорить о Данте в свете современных исканий также не останется бесплодной и положит начало отделу, посвященному великой тени Данте.

2

Писать в наше время о Данте можно тома, шкапы с томами, библиотеки — или отдельные разбросанные, разорванные афоризмы! Середина уже исчезла окончательно! Неизбежно стать или дантологом, или просто сказать: «Верю в Данте!»

3

Итак, среди всех великих мертвецов неумирающих и учителей вечных я всего более верю Данте, я даже не боюсь сказать: «Я верю в Данте!», ибо Данте есть не что иное, как путь веры! Как же не верить этому пути?

4

Среди трех «кардинальных, теологических добродетелей» искони Вера почиталась первой и основной, символ ее был белый цвет, соединение всех цветов, тогда как младшие сестры ее: Надежда и Милосердие — имели всего лишь по одному цвету: первая изумрудный цвет, вторая — огненно-красный!

Три Жены эти, шествующие со стороны правого колеса колесницы райской¹, влекомой золотым Грифоном², три Девы эти, вечно совершающие свой планетный, астрологический танец, Красная, Изумрудная и Белая («была подобна Она на только что выпавший первый снег») кому из святых, кому из мучеников, кому из живших или умерших в Боге, кому из праведных и совершенных не являлись они в своем райском хороводе «так, что казалось вела танец сей то Белая, то Красная, и с пением этой последней другие соразмеряли шаги свои, то замедляя их, то ускоряя»? (Purg. XXIX, 126–130).

Вечен танец сей в своей райской, отверзающей вечность радости, его всегда ведут две, Белая и Красная, Жены, Жена-Вера и Жена-Милосердие! та же, что открыла мудрый танец, была Жена Белая, Вера!

5

Среди тех, кто созерцают премудрый танец трех Дев, увидел Данте одного старца «с очами, смеженными вещим сном и с мыслию на челе». Колесница сияющая, поравнявшись с Данте, вдруг остановилась, и грянул громовой раскат. То был отзвук патмосской бури, той грозы, первый раскат которой прогремел в девятый час Голгофы, последний прокатится по небу в Судный день, разрушая вселенную, не принявшую жертвы Агнца.

Тот, кто дал человечеству предупреждающую мудрость, раскрыл книгу судеб, кто знал, что будет с миром в час гнева, с «очами, смеженными вещим сном», следует за хороводом трех Жен, за теми, которых предводит Жена Белая.

Не слышали ли мы раскатов грома над собой?

Танец райского хоровода видим ли мы? Кто спасет нас, помимо Жены Белой «как первый снег»?

6

Те, кто видят последнюю цель «Божественной Комедии» в изображении личных отношений Данте и Беатриче, своего рода небесный романтизм, приравнивая тем единственное цельное религиозно-поэтическое творение всей человеческой истории к современным мистико-эротическим, душевно-бесформенным блужданиям и романтической фантастике, так же мало понимают сущность божественной поэмы Данте, как и видящие в ней оккультно-эзотерическую аллегория, своего рода теософию в лицах, лицедейство схем, какую-то раскрашенную христианскую каббалистику. Поэма Данте есть становление веры, человеческой любви, претворенной в силу своей бесконечности в божественную веру.

Если бы было справедливо первое, поэма кончилась бы на конце «Чистилища», во втором случае должно было бы исключить не только весь «Ад», но и добрую часть «Чистилища», да и вообще весь символизм и всю живую символику поэмы.

Поэма Данте — прежде всего религиозна, путь его от человеческого к божественному и даже божескому, от описания личных чувств к живому переживанию догматов, от *amo* к *credo*³, от лицезрения низшего и высшего мира к видению Бога. Это путь веры! Полет его влечет, движет и направляет вера, поэтому он кончается лишь там, где вера, «вещей обличение невидимых», становится «видением лицом к лицу», и «уповаемых извещение» — живым образом Троицы. «Я верую в Трех Вечных Лиц!» (Par. XXIV, 139).

От творения к Творцу от всех форм к Единой Сущности, от всего проявленного к Тому, Кто являет «вселенский узел», от страданий в тварях к успокоению в лоне Божиим — таков путь Данте! Если это поэма любви, то единой любви к Богу, если это поэма вечного странствования, то странствования за Единым Видением, если это поэма человеческого самопознания, то лицезрения человека в Боге, если это поэма отречения, то отречения от всех желаний

кроме жажды Лица Божьего, если она — поэма веры, то веры в Бога Живого и Сына Божия.

7

В этом смысле я считаю центральной точкой поэмы Данте XXIV–XXVII песни «Рая», где изображено испытание веры, т. е. «экзамен Данте по богословию», если выразить то, что там изображено, намеренно-резко современными словами.

После явления Иисуса Христа и Девы Марии с легионами небесных сил, т. е. после высочайшего восхождения в область эмпирея, Беатриче молит священную, небесную коллегию в виде особенно благорасположения к Данте испытать его веру. Изображение этого испытания в вере и есть цель и основание «Божественной Комедии».

Лишь после этого испытания возможно восхождение к Primum Movens («Primus Agens» Фомы Аквинского)⁴, в царство эмпирея, являющееся непосредственно формой самого Бога («Девятое небо» по терминологии Данте). В сфере эмпирея Данте утрачивает свою личность, свое человеческое «я», сливаясь с полнотой совершенства небесных иерархий (видение Вечной Розы) и самого Божества. Здесь Данте уже нет, есть лик человеческий в лоне Божества, нет самого пути, ибо здесь конец всем путям, нет и самого времени; здесь должна покинуть его путеводительница Беатриче (что бессмысленно с точки зрения романтического понимания поэмы), и всякая раздельность отдельного бытия и твари исчезает.

Таким образом последним моментом и завершением пути небесного является достижение всей полноты веры, т. е. высшего религиозного посвящения; весь путь Данте — обратный путь пути падения демонов и человека. Через муки Ада к надежде Чистилища и наконец к вере Рая.

Если первопричиной всех падений и первого падения Люцифера явилась гордость, вера лишь в себя, то исцеление, возврат может быть только в полноте веры в Бога.

Таков религиозный и весь основной смысл божественной поэмы Данте!

8

Глубокое убеждение Новалиса (последнему предстоит некоторая будущность в сердцах представителей современного символизма)⁵ в том, что эпоха постижимости духа Божьего миновала, и смысл вселенной навсегда безнадежно затерян — лучший собственный

приговор адогматического мистицизма, иератического романтизма и всего того вежливого и совершенно бессильного всеединого хаоса, неумирающего голубого Ничто в розовом Все, что в начале начал исходит из Экхарта⁶. Здесь, начав с малейшего адогматизирования догматов, нельзя уже остановиться и неизбежно от Троиинства (если это не Троица) прийти к хаотическому всеединству*.

И здесь опять-таки единственно спасительно то воспевание Живого Бога, которое только у Данте одновременно и всецело символично и всецело догматично.

Здесь «дух Божий» еще и уже «Spiritus Sanctus», Животворящий Святой Дух, Наставник всех лицезревших Бога; здесь встает и пылает перед нами, как живое видение, тайна *Filioque*⁷.

9

Хотя мы очень любим быть снисходительными или насмешливыми в отношении «средних веков», тем не менее всякий раз, как тот или иной голос этой единственно-абсолютной эпохи вдруг раздастся над нами, мы падаем во прах и рабски ему служим. Воскреснет в мозгу Наполеона географическая карта Священной Германской Империи, и наш век не может ничего противопоставить этому видению; с какой фатальной неизбежностью все наши неоромантизмы разбиваются о живые голоса эпохи, когда «смысл вселенной еще не был затерян», когда сон и явь, греза и жизнь были одно, и то, что для нас стало сказкой, было высшей правдой, что стало догматом, было ликом; если в наше время возрождается божественная схоластика и идея теократического союза Бога и человека, то она дает силы своему носителю стать первым среди религиозных вождей будущего, окрыляет Владимира Соловьева на учение, которое еще не понято до конца никем; идея священной войны, которой жило и дышало средневековье, в наши дни превращает ничтожные и полукультурные народы Балканского полуострова в вершителей мировых судеб и в три недели сокрушает Турцию⁸; высочайшее влечение современного искусства к мистерии осязает под собой почву, лишь прикоснувшись к средневековым заветам: рыцарству («Парсифаль» Вагнера)⁹, культу Марии (Новалис, Гете**); современный западный оккультизм возрождает,

* Должно оговориться в том смысле, что лично Экхарт далеко не ответствен за все позднейшее злоупотребление его методами.

** Имею в виду лишь религиозного Гете, особенно конец «Фауста».

хотя и в ложной транскрипции, все же средневековые видения Розы; в готической архитектуре мы с нашими модерн-вокзалами не можем не видеть воплощение тайн, ключ к которым утрачен уже века вместе со «смыслом вселенной».

Но среди всех заветов средневековья всего ближе, внятнее, цельнее и неотразимее для нас — божественная, «поэма веры» Данте.

10

Мы ищем истин, Данте был из тех, кто искали Истину! Вера в единственную, целостную и всегда живую, единую Истину — путь Данте; это и безусловная наивность и столь же безусловная мудрость! Именно поэтому его поэма и есть чисто христианская поэма. Она и есть христианская мистерия!

Единая Истина, содержащая в себе все истины, ничтожные и мертвые без их Истины-Матери, все тайны, бесплодные вне Единой Тайны, вера в бытие такой единой Истины — сущность схоластики в отличие ее от диалектики; истина, не как правильность или адекватность, то или иное соответствие субъекта и объекта, а Истина, как благодать — вот философия Данте. Диалектика — языческий путь познания — возродилась уже в неоплатонизме, позже в идеализме, она вмешана всегда так или иначе в модный теперь «мистицизм», но религия как религия всегда видит в истине благодать, верит в Истину нисходящую, воплощающуюся по своей доброй воле и жертвенно. Здесь Истина всегда должна быть совершенным Существом или не быть вовсе, т. е. стать живым Небытием, Сатаной. Вера в бытие благодатной Истины, т. е. непорочной, девственной и чудесной, — условие Ее обретения. Она есть Вечная Роза! Путь к ней — полное целомудрие души и тела (у Данте — снятие со лба семи «р», т. е. *ressatum*, семи «смертных грехов»), безусловная вера, не смеющая и помыслить о мыслимости сомнения, и возврат к первоначальной утраченной чистоте человеческой души. Но прежде возможен первый шаг познавания, ибо познание — посвящение в Истину.

Здесь цельность святости и мудрости, сияющая в творениях «князей схоластики», у Данте совершенно соблюдена, она лишь оправлена в свою оправу, она пропета в небе и к небу и вместе с Ангелами, а не проповедана от Ангелов людям. Наши виртуозы истины и ювелиры познания, не выполняя ни одного из условий схоластического познания, не смывая со лба ни одного из семи

«р», последовательно-слепые в пути веры-познания, по какому праву судят они о схоластике? Логически проверить права схоластики и диалектики может лишь изведавший оба пути. Путь диалектики в наше время изведен вполне, не поучиться ли нам у Данте пути иному?

11

Без любви к Истине нельзя вступить на путь Ее искания. Стало быть надо любить Ее, как чашу Грааля, прежде Ее обретения, прежде даже уверенности в последнем, прежде испытания истинности Истины. Значит, мы знаем Истину прежде Нее Самой, смутные видения Лица Ее в нас искони! Таков рыцарский путь истинного познания Истины! Это путь Данте.

12

Сущностью языческих религий было почитание богов, т. е. иерархий, без непосредственной связи (re-ligio) с Богом. Отсюда диалектическое познание было познанием, развивающимся из себя, почитанием иерархий идей, без непосредственной связи с Истиной Единой.

Связь с богами — знание, видение, ясновидение, власть.

Связь с Богом — вера, жертвенное самоотрицание, молитва, благодатный дар.

Диалектика — овладение иерархиями идей, существами и формами идей. Схоластика — отображение в себе мыслей и идей Бога. Вера в Единого, Личного Бога дала идею верховной, Единой Истины; вера в воплощенного Бога (Христа) дала и дает веру в нисхождение Истины в человеческую душу; схоластики и готики не было бы, если бы Мария не была Девой и Иисус Агнцем; прикосновение к схоластике есть молитвенное касание последней Тайны, — тайны о девственности Истины. Поэтому самый путь истинной философии немислим без аскезы! Без этого условия он всегда будет лишь диалектикой, т. е. языческой мистерией многих истин, т. е. полуистиной. Поэтому неогносеология есть самоотрицание диалектического познания, она есть диалектика, кусающая свой собственный хвост, болезнь диалектики, саморазложение ее, сомнение по существу в самых правах ее на существование. Вся метафизика, поскольку она не была и не есть все та же высокая схоластика, но забывшая свое происхождение, точнее — вырождающаяся христи-

анская схоластика, есть возрождающаяся греческая диалектика. Не будучи девственно-чистой, она становится старчески-тощей.

Богопознание Данте требует аскезы. Весь Путь Чистилища пройден, тончайшие оболочки его души сожжены многими пламенами, его тело и душа крещены водой (сцена с св. Матильдой), огнем (видение Орла) и духом (конец «Рая»); однако без силлогизма смерти путь, познания не завершен, и вот Данте слышит, витая в сфере восьмого неба (т. е. самой высокой звездной сфере или «небе неподвижных звезд») строгий голос ап. Иоанна:

В земле тело мое — земля, и пребудет там вместе с другими до тех пор, пока наше число не станет равным определенному вечным намерением (Par. XXV, 124–126).

Святое и страстное дуновение духа Данте поникает перед преградой телесности; должно, чтобы сам св. Бернард помолился о его пути, чтобы заступилась Мария — одна из всех восшедшая, подобно Иисусу, в царство Эмпирея в своем физическом теле, просветленным чудом. — Здесь намек на бездонную тайну.

13

Упреки эстетов и эллинистов, а также чистых романтиков, что «Рай» Данте аллегоричен, условен, догматичен, что это — Фома Аквинский в терцинах — обратимы против самих нападающих.

Во-первых, отрицательная сторона аллегоризма (в противность истинной символичности) — не-адекватность, не-цельность, не-соответственность между «что» и «как» изображаемого, между живой правдой подлежащего символическому описанию и свойствами изображенного. Однако для тех, кто нападает на символизм Данте, принципиально отрицая самую «живую правду подлежащего описанию», — ибо для эстета не может быть реальности видения, безусловной объективности (бытия вне грезящего «я») самого Рая, для эллиниста (внешне проповедующего пластичность символа, внутренне исповедующего религию старых «богов») невозможно самое допущение реальности и потусторонней жизни христианских догматов, как Существ и Ликов, для чистого романтика, не возвысившегося над миром душевного, верного догмату всеединства, всепоглощающего лиризма, для которого песнь прежде птицы, — равным образом видения Данте не реальны в себе, ибо у него реально лишь субъективное его

грежения, для него допустима реальность «Рая» лишь для Данте и лишь во время творчества.

Таким образом, во всех трех данных случаях *a priori*, в силу исходной посылки критикующих, нет действительности предмета символизации, не может быть и речи о ее соответственности форме.

Во-вторых, самый факт условности изображений не есть негативный признак. Напротив, без доли условности всякий символ останется лишь куском грубой реальности. Судить же о мере условного в образах Данте может лишь признающий реальность вещей, изображаемых Данте, стало быть, религиозно-мыслящий и зрящий человек. Безбожник всякое изображение всякого бога неминуемо должен признать химерой и безусловной химерой.

В-третьих, подобно понятию символа понятие догмата двойственно; надо различать то, что догматизируется и как оно догматизируется.

Первое и сущностнее первое. Без живого образа Голгофы, подлинных слов Иисуса, все христианские догматы — ничто, их не было бы вовсе исторически. Поэтому, угасивши в себе живой лик Бога и Иисуса Христа, нельзя сквозь форму догмата зачерпнуть живой воды его сущности. Так одинаково нельзя без переживания внутреннего художественной правды постичь символику любой романтической поэмы, даже ценить ее.

Ужасен не догматизм, а внешний, ложный догматизм! Разница догмата от символа в том, что символ строится человеческим созерцанием и воображением снизу вверх, догмат же — нисходит свыше, от Бога к человеку, догмат есть всегда *credo*, но содержание его живо и реально. *Credo* касается веры в божеское, небесное происхождение истины догмата. Здесь неизбежен элемент интуитивного доверия, непосредственного осязания, как нечто подобное непосредственно-иррациональному осязанию в творениях искусства их последней, неразложимой ценности (подлинной пережитости, внушенности, высшей правды); истины догматические суть откровения о последних тайнах непосредственными создателями и носителями их; в догматах христианства — самооткровение Высшего Духа, Бога; догматы христианские — слово Слова, они первое и изначальнее чувственного бытия, прежде мира, они живые силы, святые Лики и излучения Вечного Света — или они ничто, и христианства не было и нет. Религия без догматов — не только бессмыслица, но

и безвкусица; религиозные искания наших дней будут бесплодны, пока не усвоят себе этой истины.

Нет христианской религии и не может быть христианской поэзии (искусства) без вечного блеска во всей его цельности девяти заповедей блаженства и двенадцати небесных алмазов, двенадцати созвездий Никео-Царьградского Символа веры¹⁰. Поэма Данте воистину христианская поэма, не знающая себе равной, и это потому, что она есть поэма догматическая, которой не чуждо ничто из основоположений вечной христианской Истины, не добытой человеческими руками, а сошедшей с небес и восстановившей погибшую вселенную. Поэма Данте не произвольна в своей основе и не есть мысль, чувство или образ человеческого духа, она есть изображение ада и неба в подлинной правде, такими, какими они являлись всегда и всем «имеющим очи», всем видящим в духе и восхищаемым Духом до «видения лицом к лицу», всем пророкам, апостолам, праведникам и святым, от автора «Апокалипсиса» до св. Франциска и от св. Терезы до бл. Анны Катарины Эммерих. Поэтическое воображение и художественная фантазия Данте лишь расписали дивные арабески по строгой, вечной догматической канве, подобные переливной многоцветной игре стекол готических витражей, не изменяющей, но лишь утончающей и усложняющей неизменную символическую, каменную схему соборов. Вне проникновения в догматический характер поэмы Данте к ней путей нет, и лучшим подтверждением тому служат бумажные горы комментаторских искажений христианской и католической поэмы Данте, написанные руками не верующих в то, во что верил ее автор, и неспособных видеть даже во сне то, что он видел наяву. Слова Иисуса: «хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» (Ин. 6, 33) — лучшее определение Того, что есть основание истинной веры, т. е. догматы ее, ибо Он же сказал дальше: «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6, 35). Таким «хлебом жизни» для самого Данте и явились пламенные видения, им виденные и записанные, они были для него вечными ветвями райского дерева Жизни, подлинными словами святой Жены («угодницы Божией»), Ангелов и самого Бога, путями спасения его души, над которой приговор был почти уже произнесен; вместе с тем эти видения и голоса были постигнуты и запечатлены им, как всеобщая правда, как путь единый и единственный, как путь спасения всеобщего для всех душ и во все времена. Не заимствование у Фомы Аквинского здесь мы имеем, а совпадение

тем более естественное, что первоисточник у них обоих, как и у всех «видящих в духе», был и мог быть лишь один и тот же. То, что один отлил в строго-мысленные формулы и концепции, другой запечатлел в живых образах, бегущих в бесконечности, но соединенных в один общий триединый Храм, развернутых им, как триединый, всеобщий Путь. Поэма Данте есть путь к Отцу, возвращение творения к Творцу, искупление и спасение падшей человеческой души силою Веры, светом Надежды и во имя Любви, путь живого богопознания, лицезрения «Последней Сущности», примирения с Богом, оправдание в Боге; одним словом передавая сущность ее, Данте мог бы сказать то же, что некогда сказал Иаков после богоборчества: «Я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя» (Быт. 32, 30).

14

Послушаем, однако, что сам Данте сказал о цели своей поэмы. В самом начале XI песни «Рая» поэт-богосвед говорит*:

О безрассудство всех земных забот!
Под бременем нелепых силлогизмов
Наш падший дух крылами землю бьет.
Те медицины мудрых афоризмов
Искали, тех взманил духовный сан,
Царили третьи с помощью софизмов;
Тот руку запускал в чужой карман.
Иной служил отчизне благородно,
Тот страстью был, тот ленью обуян.
Лишь я один из всех людей свободно
Вознесся с Беатриче к небесам
К приему славному стезей угодной!..

В этих словах совершенно точно выражены все главные черты личности Данте, его пути и последней цели пути. Данте говорит о «свободном пути к небесам» вместе с Беатриче; ясно, что цель не в Беатриче, а в богопознании, в возврате к Богу; противопоставление своего пути, как исключительного, единственного, противоположного земным путям всех других, «свободного пути к небу», и ирония в отношении всех иных путей человеческих — яркая

---

* Перевод Эллиса. (Par. XI, 1) — *Ред.*

самохарактеристика. Данте с его духовным аристократизмом, пессимизмом и особого рода игнорированием всех «земных дел и интересов». Обособленность и строгость такого пути невольно заставляет сравнивать его с совершенно-уединенными и строгими путями учеников древних мистерий до их упадка и с путями христианских отшельников. Характерно также, отношение к Беатриче, как нечеловеческому существу, своего рода Ангелу-Путеводителю, наставнице небесной мудрости, как бы воплощенной Благодати, без которой путь посвящения при безграничной высоте и одиночестве стал бы путем гордости.

Интересно сопоставить с этим местом другое, где идет речь о применении той же сверхземной точки зрения Данте ко всему человечеству. Вот оно:

Красоты вечные и чудеса
Вам свод небес, вращаясь, указывает,
Лишь землю видят ваши очеса,
И вас за то Всезрящий накажет!*

Эти слова Вергилия, сказанные тотчас же вслед за криком незримого кайна: «Всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (Быт. 4, 14 = *Purg.* XIV, 133) и воплем ставшей камнем (т. е. землей) Аглавры¹¹, — знаменательны, ибо у Данте всюду и всегда, даже в размещении реплик и сочетании моментов и условий каждой подробности скрыт намекающий смысл.

Не устремляясь только и прямо к Небу, к единственно-нетленным видениям и чудесам Рая, человечество *eo ipso*¹², одним созерцанием земли, погрешает и несет Божью кару. Выведение всех частных грехов из основного — забвения неба — изгнания из Рая — привязанности к земле — характерно для Данте, как и для первых веков христианства. Злодеяние Каина — первый грех на земле, осквернивший самую землю, не от самой земли, но от забвения неба; так верен Данте духу и слову Книги Бытия, все основывая на высшем «я» человека, возникшем из «образа и подобия Божьего», осуждая привязанность к «я» низшему, чувственному, рожденному через первородный грех (*culpa prima*); здесь явна противоположность строгого духа XIII века с позднейшими упадочными учениями (с XV в.), подчеркивающими низшее,

* Чистилище, XIV, 148–151. Перевод Эллиса. — *Ред.*

земное человеческое «я», что было частичным возвратом к язычеству. В этих стихах сквозят и специфически-астрологические склонности Данте.

Сравним эти терцины с знаменитым ответом Данте своим согражданам на просьбу о возвращении в родной город на унижительных условиях: «Если нельзя возвратиться во Флоренцию иным путем, то я никогда уже не вернусь в нее. Да и отчего мне не поступить так? Разве я не созерцаю везде того же света солнца и созвездий? Разве не под каждым небом я могу наследовать сладчайшие истины?»

Таково единство слова и дела у Данте во всем и всегда!

«O insensata cura de' mortali!» — «О безумие смертных (земных) забот!» Это основоположение Данте понимали каждый по своему в новое время Гамлет и Вертер, Карл Мор и Тангейзер, Чайльд Гарольд, Манфред и Каин так же, как Ролла и Печорин, Фауст так же, как и Заратустра!¹³ и однако каждый из них понял это себе на погибель, погиб и вместе спасся лишь Фауст, и последнее знаменательно. Ни один из всех этих мудрых и возвышенных пессимистов, полно представляющих всю нашу эпоху гуманизма, ищущую веры и творящую символы, но лишенную единого символа веры, обремененный всей сложностью мистицизма и романтизма, не был просто и чисто-религиозен, не был христианином в единственно-подлинном значении этого слова. Новый последний путь Фауста, напротив, религиозен!..

Точно так же старый романтизм с формулой Новалиса: «Σοφία — Sophiechen»¹⁴ и современный художественный символизм, в А. Блоке доходящий до формулы: «Мария — Мэри»¹⁵, очевидно, безнадежно далек и вне всяких сравнений низок при сопоставлении с поэмой веры Флорентийского орла*.

16

Все попытки понять «Божественную Комедию» вне ее догматического смысла и стиля безнадежны. Каждая частично-права, все вместе вообще не правы! Басня Эзопа о слепцах, споривших на тему «что такое слон?», причем каждый отождествлял слона с тем, что ощупал лично руками (канатом, деревом, кожей и т. п.), здесь

---

* Этим мы вовсе не думаем отрицать первостепенное художественное и психологическое значение обоих высокоценных нами поэтов.

применима вполне. Чисто философское толкование Озанама, эротико-романтическое Байрона, политическое Боккачио, натуралистическое Вольтера, фантастическое большинства современных эстетов, вне-церковное, морально-дидактическое, художественно-символическое, оккультное, обще-культурное, народно-эпическое и тысячи других точек зрения частично верных не введут никогда в алтарь воздвигнутого Данте собора, в святая святых его творения, пока мы не поверим в то, во что верил сам автор, не поверим реальности его загробного *trivium*, действительности его ясновидения и религиозной правде пережитых им откровений, столь же подлинных, как все откровения воистину одаренных дарами Св. Духа, восхищаемых до лицемерия последних таинств христианства. Узел, стягивающий все бесчисленные нити, у Данте один он открывается лишь тому, кто увидит в его поэме художественное воспроизведение действительно и подлинно пережитой мистерии, истинного пути посвящения в тайны бытия (видения) и таинства откровения (догматы) христианской веры, путь посвящения не в смысле узкой, специальной доктрины или формальной принадлежности к какой-либо секте, тайному братству или традиции, идущей от древних мистерий, но путь вселенский, всеобщий, единый и единственный, для всех существ и духов и в среде них для человека, путь, всегда открывающийся каждому, ищущему возжаждавшему встречи и воссоединения с Богом. От сознания близости вечного осуждения до последних высот благодатного слияния с Творцом лежит путь восхождения Данте, путь вечный, неизменяемый, пройденный некогда, как стезя падения, совершеннейшим из Духов и всей вселенной, лежащий в будущем после воплощения Бога стезею возврата и примирения с Создателем, лежащий одинаково перед всей вселенной всеми Духами и душами, и перед каждым из нас!

17

«Испытание веры» своей Данте изображает в XXIV песни «Рая». Это центральный пункт поэмы, остановимся на нем! Великий небесный допрос открывается словами свидетельницы его, наставницы поэта Беатриче: «Спрашивай этого человека (т. е. Данте) о легких и трудных пунктах, касающихся веры, давшей тебе ходить по морю» (Par. XXIV, 37–40), говорит она душе св. апостола

Петра, представшей среди сияния Рая в виде самой прекрасной и самой блаженной Гирлянды огней. Ободряемый знаками своей наставницы, Данте отвечает на допрос св. Петра:

Fede è sustanzia di cose sperate,
Ed argomento delle non parventi!*

Одобренный Петром, поэт переходит к знаменитому толкованию этого изречения: «Вещи глубокие, мною здесь зримые, столь утаены от взоров людей, что само бытие их — исключительно в одном лишь веровании (*in sola credenza*), на котором зиждется высочайшая надежда (*alta spene*); посему она и именуется сущностью (*sustanzia*)... Мы принуждены произносить суждения, основываясь на этой вере, не имея иного света, и посему здесь «*intenza di argomento tiene*» (т. е. намерение верить, влечение к вере, движение веры заменяет доказательство, т. е. вера сама себя оправдывает). Далее Петр спрашивает не без некоторой иронии, имеет ли Данте в себе веру, удачно им определенную: «Да, она (т. е. «монета веры», по выражению Петра) у меня есть!» — отвечает поэт, «и столь блестящая и столь добро-отчеканенная, что у меня нет сомнений в ее истинности!» Далее следуют оба довода, возможные лишь в устах того, кто первый довод обрел в силе и чистоте самой веры, ссылка на Св. Писание и внешние дела и чудеса; последний довод Данте, логически обращая, облакает в изумительное и полное блеска положение: «Если мир принял христианство без чудес, то это самое есть уже такое чудо, которого все другие чудеса не составляют и сотой части!»

Тогда вся «святая палата» Неба сливается в одном славословии (Par. XXIV, 112–114):

...l' alta Corte santa
Risunò per le spere un «Dio laudamo»,
Nella melode che là sù si canta.

---

* Перевод стихами изречения ап. Павла (Евр. 11, 1): «*Est fides sperandarum substantia rerum, argomentum non apparentium*», т. е.: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

После испытания веры и одобрения его всеми Духами восьмого Неба* приступает Данте к исповеданию самих святых догматов (содержания) веры и звучит его бессмертное (ст. 130–132):

Io credo in uno Dio
Solo ed eterno, che tutto il ciel muove,
Non moto, con amore e con disio.

То есть:

Я верю в Бога
Единого и Вечного, что небо
Любовью движет, сам недвижим строго!

Здесь впервые (ст. 139–141) поэт касается последней тайны христианского откровения — Троичности Бога:

Я верую в трех Вечных Лиц, не ложно
Столь полно триединство в них провижу,
Что «суть» и «есть» о них речи возможно!

Внемля исповедание столь высокого догмата, на коем зиждется вся христианская вера, душа св. Петра не выдерживает и, в великом ликовании и радости благословляя поэта, трижды окружает его, — «подобно тому, как господин, слыша приятную весть, вдруг обнимает своего верного слугу».

---

* «Восьмое небо» есть «Небо неподвижных звезд» по астрологии, т. е. сфера всех центров всех планетных систем; функция координации центров всех систем есть работа высших иерархий — серафимов; поэтому здесь предел иерархий и именно в этом небе Данте видит Христа и Марию, на миг сошедшими туда.